

6314 (E) K23
C 75

3640

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА
КАЗАХСТАНА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт археологии
АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова

СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА
КАЗАХСТАНА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Материалы Всесоюзного совещания
13—15 мая 1981 г. г. Алма-Ата

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА-1983

63.4(2)Каз
С 75

Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Мат-лы Всесоюзного совещания / Под ред. Б. А. Тулепбаева. — Алма-Ата: Наука, 1983. — 231 с.

В книге публикуются материалы всесоюзного совещания «Проблемы исследования средневековой археологии Казахстана и Средней Азии (XIII—XVIII вв.)», проведенного в Алма-Ате Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана Института археологии АН СССР и Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. В докладах и сообщениях подводятся итоги исследования поздне-средневековых памятников, особенно масштабных раскопок Отрара. Освещается роль городов и систем кочевых государств. Определены перспективы изучения Отрара, Ходжента, Шахрухии, Бухары и других городов.

Книга рассчитана на археологов, историков и всех, кто интересуется историческим прошлым народов Средней Азии и Казахстана.

Редакционная коллегия:

Б. А. Тулепбаев (главный редактор), К. А. Акишев (АН КазССР),
Г. М. Ахмедов (АН УзССР), Е. А. Атагурдыев (АН ТССР),
К. М. Байпаков (АН КазССР), У. И. Исламов (АН УзССР),
И. К. Кожомбердиев (АН КиргССР), В. М. Массон (АН СССР),
И. Н. Негматов (АН ТаджССР), Г. А. Федоров-Давыдов (МГУ)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР Б. А. ТУЛЕПБАЕВА

За последнее время во всех странах мира резко возрос интерес к историческим знаниям, к прошлому народов мира, и здесь уместно вспомнить слова Фридриха Энгельса, который говорил: «...седая древность при всех обстоятельствах остается для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой потому, что она образует основу всего позднейшего более высокого развития...».

Вот почему нам сегодня особенно приятно приветствовать участников всесоюзного совещания «Проблемы исследования средневековой археологии Казахстана и Средней Азии XIII—XVIII вв.», организованного Отделением общественных наук АН КазССР, Институтом археологии АН СССР, Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана и Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук КазССР. Это совещание посвящено актуальным проблемам истории, археологии и этнографии, культуры Средней Азии и Казахстана периода позднего средневековья.

Интерес к изучению этого исторического периода не случаен, ибо здесь лежат многие сложные проблемы, связанные с завершением процесса консолидации разрозненных племен в народности, сложением позднефеодальных государств.

Как известно, развитие производительных сил в регионе некогда было прервано вторжением полчищ Чингисхана. Завоеватели встретили упорное сопротивление народных масс. История сохранила волнующие повествования о длительной борьбе Отрара, Сыгнака, Ходжента, Ургенча. Огнем и мечом прошли войска Чингисхана по захваченным территориям: разрушали города и селения, истребляли мирное население, угоняли в плен ремесленников. Громадные территории были разделены на улусы Джучи, Джагатая и Угэдэя.

Но поступательный ход истории нельзя остановить. Постепенно возрождались культура, отстраивались разрушенные города, возникали новые государственные образования на местной этнокультурной основе. Важную роль в их жизни сыграли города, являвшиеся не только политическими центрами, но и центрами ремесла, торговли, науки и культуры.

Среднеазиатская и казахстанская археологическая медиэвистика тесно связана с лучшими традициями русского востоковедения, прогрессивными элементами туркестановедения. В советскую эпоху резко возросла роль собственно археологических исследований.

Разработка методики раскопок средневековых городов, точное хронологическое определение массового материала позволили по-новому подойти к изучению динамики исторического развития Мерва, Самарканда, Бухары, Ташкента, Ходжента, Отрара и многих других городских центров.

В последние годы наметилась тенденция выделения позднесредневековой археологии в особый раздел археологической науки. Этому способствуют интенсивные исследования археологических памятников XIII—XVIII вв. в Казахстане (раскопки Отрара), в Таджикистане (раскопки Ходжента), в Узбекистане (раскопки Бухары), в Поволжье (раскопки золотоордынских городов).

Среди научных центров, где развивается позднесредневековая археология, — Москва, Ленинград, Ташкент, Алма-Ата, Самарканд, Душанбе, Ашхабад, Фрунзе. Уже накоплен значительный материал, позволяющий сомкнуть археологию с этнографией, поставить и решить многие проблемы.

Важно отметить, что казахстанские археологи, например, рассчитывают использовать значительную часть накопленных материалов при подготовке фундаментального многотомного издания «Свода памятников истории и культуры казахского народа». Для археологов Казахстана наступает новый этап в работе, связанный с созданием в ближайшие годы в системе Академии наук Казахской ССР Института археологии.

Обмен мнениями, обсуждение новых находок, теоретические обобщения, заслушанные на этом совещании, дадут новый импульс вашему творческому поиску.

Позвольте от имени Президиума Академии наук Казахской ССР приветствовать наших уважаемых гостей — ученых Москвы, Ленинграда, братских республик, всех участников совещания и пожелать им плодотворной работы.

Всесоюзное совещание по проблемам исследования средневековой археологии Казахстана и Средней Азии XIII—XVIII вв. разрешите считать открытым.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА

Археология позднего средневековья — новое направление в исторической науке Средней Азии и Казахстана. Можно утверждать, что интенсивное развитие она получила со времени масштабных раскопок позднесредневековых слоев городища древнего Отрара. В настоящее время Отрар — одно из немногих поздних городищ среднеазиатско-казахстанского региона, изученных столь детально. Ныне очевидно, что если Пенджикент — опорный памятник для археологии раннесредневековых городов региона, то Отрар — для позднесредневековых.

Размах раскопок позднесредневекового Отрара объяснялся причинами гораздо более серьезными, чем престижность. На них мы останавливались подробно в книге «Древний Отрар»¹, поэтому здесь характеризуются лишь две из них, имеющие прямое отношение к сегодняшней теме.

Специфика исторического развития древнего Казахстана заключалась в том, что здесь с глубокой древности тесно взаимодействовали оседлое и кочевое население; прогресс скотоводческого и земледельческого хозяйства стимулировался взаимным влиянием, взаимно обогащались две формы культуры — кочевническая и земледельческая.

В этом процессе этнокультурной диффузии узловую позицию занимал округ средневекового Фараба (Параба).

Отрарский оазис и прилегающие к нему районы Южного Казахстана были древнейшим центром оседлости, ирригационного земледелия и городской цивилизации. Поиски истоков этой культуры привели к открытию древнейшей культуры присырдарьинских племен эпохи поздней бронзы и оседлых саков, обитавших там в первом тысячелетии до н. э. В последние десятилетия в низовьях реки Сырдарьи, в дельте мертвых рек Жанадарьи и Инкардарьи, были раскопаны монументальные многокамерные погребальные сооружения этих племен, относящиеся к VIII—III вв. до н. э.² Древнейшие мавзолеи Тагискен, Баланды 2, Чирик-рабат, Бабиш-Мулла 2 с купольным перекрытием (?), сложен-

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар: (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972.

² Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1977, т. 1, с. 175—183.

ные из сырцового кирпича, свидетельствуют о том, что древнее население сырдарьинской дельты владело техникой изготовления кирпича-сырца и сооружения из него культовых зданий сложного решения. Несомненно, технический опыт и умение были приобретены в результате строительства жилых и хозяйственных помещений, планировки и архитектурного оформления поселений и крепостей, а не только культовых зданий.

В первых веках нашей эры ранние укрепленные поселения возникают и формируются на более широкой территории. Так, в долине р. Арысь во время поисковых маршрутов было зарегистрировано и обследовано более тридцати поселений-крепостей. Раскопки, заложенные на поселениях Кос-тобе (Южное), Тортколь-тобе и Караул-тобе, вскрыли культурные напластования, относящиеся к трем хронологическим периодам жизни поселений — к I—IV, V—VI и VII—VIII вв. Раскопки поселений Шоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе в Таласской долине определили примерно эти же столетия их бытования. Большое количество подобных памятников известно по среднему и нижнему течению р. Сырдарьи, из них раскопаны Актобе 2 (Чардаринское), Алтын-асар и другие памятники джеты-асарской культуры. В первых веках н. э. очаги оседлости и земледельческой культуры возникают также в районах далеких северных склонов Каратау, в южных пределах кочевого Дашт-и Кыпчака³. Существенно дополняет перечисленные сведения о ранних поселениях информация, полученная при раскопке средневековых городищ. Стратиграфический раскоп, поставленный на городище древнего Отрара (1969—1970 гг.), и шурфы наших предшественников на ряде других южноказахстанских городищ (Куйрук-тобе, Алтын-тобе, Мардан-куюк) дали материал, свидетельствующий о том, что руины позднесредневековых городов перекрывают остатки ранних поселений. Таким образом, можно констатировать, что в эволюции южноказахстанского средневекового города устанавливается генетическая преемственность ранних поселений с развитым феодальным городом. Конечно, этот путь развития не был единственно возможным путем зарождения средневекового города. Но для казахстанской медиевистики сделанный вывод принципиально важен для изучения генезиса города и установления соразмерности самобытного и заимствованного в городской культуре.

В период развитого средневековья Южный Казахстан с Отрарским оазисом становится одним из крупнейших центров городской цивилизации Казахстана. О масштабах экономического и культурного развития оазиса свидетельствуют руины свыше шестидесяти поселений, крепостей и городов, следы мощной и широко разветвленной оросительной системы. В центре оазиса ныне высится громада городища древнего Отрара, достигающая 18 м высоты. По археологическим данным, хронологические пределы жизни Отрара с IV—VI по XVII—XVIII вв. Земляной холм городища хранит почти полуторатысячелетнюю историю Отрара,

³ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Труды / ИИАЭ АН КазССР, 1958, 5; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 5—42.

богатую, как свидетельствуют письменные источники, историческими событиями.

По данным археологии, в округе средневекового Фараба зарожде-ние оседлого быта, земледельческой культуры и возникновение укреп-ленных поселений произошло автономно еще в первых веках н. э. Од-нако в дальнейшем, особенно начиная с VI—VIII вв., на развитие их мощное влияние оказали согдийцы-переселенцы, имевшие большой опыт земледельческого труда и древние традиции градостроительства. В итоге в Южном Казахстане сложилась своеобразная городская ци-виллизация, в которой четко вычлняются пласты самобытной и при-шлой культуры⁴.

Местонахождение Южного Казахстана на стыке двух культурно-экономических миров: оседло-земледельческого и скотоводческо-кочев-нического — определило своеобразие памятников культуры. Исследова-ния их предоставляют возможность научной разработки таких узловых проблем казахстанской медиевистики, как культурные, торговые и по-литические взаимоотношения земледельцев и кочевников; роль кочевых скотоводов в развитии городов, а городов — в экономике и культуре ко-чевнических племен; соотношение элементов кочевнической и земле-дельческой культур в средневековой городской цивилизации Южного Казахстана; этническая общность юга Казахстана и Дашт-и Кыпчака.

Многолетние раскопки Отрара и других памятников оазиса уже сейчас дали большой археологический, нумизматический и палеоантро-пологический материал, проясняющий отдельные аспекты этих проблем.

В настоящее время практически полностью выявлен планировоч-ный и архитектурный облик Отрара XVI—XVII вв., вскрыто свыше 250 отдельных домостроений, ремесленные мастерские, общественные и культовые здания, изучены оборонительные сооружения, выяснены основные направления городских улиц, местонахождение городских во-рот и площадей. Получено полное представление о планировке, строи-тельных конструкциях и интерьере жилищ, отопительной системе и санитарных узлах в домах позднесредневекового Отрара.

Существенные результаты дало исследование ремесленной спе-циализации и социальной стратификации населения. Достоверно выде-ляются кварталы ремесленников, гончаров, хлебопеков, мастерские железных дел мастера и ткача, торговые ряды. Домовладения по мону-ментальности конструкций, количеству и усложненности интерьера комнат, по богатству находок в них довольно четко подразделяются на дома бедных, состоятельных и богатых слоев населения. Отрар в XVI—XVII вв. представляется как крупный городской центр с присущими ему строительно-планировочными особенностями, с развитой социаль-ной и ремесленной структурой.

Масштаб раскопок на Отраре позволил произвести эксперимен-

⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Сред-ней Азии. Л., 1970; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

тальные демографические расчеты количества городского населения и плотности его на один гектар городской площади⁵.

Положительно оценены специалистами результаты изучения торговли и денежного обращения в Отраре, развития орошаемого земледелия и систем бытового и хозяйственного водоснабжения города⁶.

При раскопке Отрара найдено свыше 4000 серебряных и медных монет, большинство которых относится к XV—XVII вв. В нумизматике считается доказанным, что вторая половина XV—первая четверть XVI в. была временем максимального развития в Средней Азии товарно-денежных отношений, особенно в сфере мелкотоварного производства и розничной торговли. Монетные находки в Отраре дают все основания заключить, что город этот был вовлечен в общесреднеазиатский торговый процесс и что в Отраре товарно-денежные отношения в XV—XVI вв. достигли максимального уровня развития. Позднее, в XVI—XVII вв., как позволяют предположить находки монет, в Отраре на протяжении какого-то периода существенных изменений в состоянии товарного производства и торговли не произошло. Такое положение сохранялось до второй половины XVIII в., когда четко обозначился упадок Отрара как торгово-экономического центра⁷.

При всей научной значимости отрарских материалов они проливают свет только на одну сторону круга проблем, связанных с взаимоотношением города и степи, горожанина и кочевника. Поскольку Отрар и другие древности его оазиса являются памятниками преимущественно оседлого населения, земледельческой культуры, они почти не могут быть источником информации о второй стороне проблемы, о роли кочевников в жизни оазисов.

Во взаимоотношениях Дашт-и Кыпчака и Туркестана (имеются в виду прежде всего вопросы социально-экономических и культурных связей) нам традиционно известна роль города в жизни степи, но почти неизвестна прогрессивная роль кочевых скотоводов в жизни городских центров. Между тем именно кочевники определили своеобразие топографии и специфику культуры присырдарьинских городов Туркестана, отличие их от городов Согда, Бактрии, Хорезма и в значительной степени — от городов Шаша. Поэтому исследование роли кочевников в прогрессе

⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981, с. 189—190.

⁶ Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса. — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 14—22; *Он же*. Водохранилище средневекового Отрара. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 36—45; *Он же*. Ирригация Южного Казахстана в средние века: (По материалам Отрарского оазиса южных и северных склонов Каратау). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1980.

⁷ Дасидович Е. А. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. — Народы Азии и Африки, 1956, № 6, с. 83, сл.; Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 гг. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 163, сл.; *Она же*. Монетные находки с городища Отрар-тобе за 1974 г. — В кн.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 159—170; Настич В. Н. К периодизации монетной чеканки Отрара и его роли в денежном хозяйстве города и области. — В кн.: Ближний и Средний Восток: товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 162—171.

казахстанской городской цивилизации было и остается одной из ведущих тем многолетних археологических исследований в Южном Казахстане.

Тема эта не нова в археологической литературе. В разные годы, на разном уровне интерпретации она ставилась исследователями среднеазиатской медиевистики. И сегодня должна быть особо отмечена научная значимость выводов о роли кочевников в сложении культуры афригидского и позднесредневекового Хорезма⁸, в возникновении и развитии семиреченского города⁹, в жизни поселений и городов-крепостей восточного Дашт-и Кыпчака¹⁰.

Исследование даштыкыпчакских городов для разработки темы имеет первостепенное значение, но археологическая изученность их оставляет желать лучшего: большинство из них не имеет точных координат, инструментальных планов, сколько-нибудь значительные раскопки их не производились.

Наши археологические маршруты и раскопки на северных склонах Каратау и в южных пределах пустыни Бетпак-Дала частично восполняют этот пробел. Были зафиксированы и обследованы более сотни зимовок, десятки поселений — кишлаков, крепостей и городищ, относящихся к XV—XVIII вв. На крупных опорных памятниках произведены стационарные раскопки, выполнена типологическая классификация позднесредневековых северокаратауских и бетпак-далинских городищ. Раскопкам подвергались памятники разных типов, но относящиеся к одному периоду: зимовки-поселения Жалгыз-Там и Шыгырлы, укрепленные поселения Аяккамыр и Найзагара, городища Культобе и Раната¹¹.

В итоге раскопок установлено, что северокаратауские и бетпак-далинские поселения и города по форме материальной культуры и этническому составу населения (судя по тамгообразным знакам на сосудах) были близки городам среднего течения Сырдарьи, в том числе Отрару.

Однако, как и следовало ожидать, под сильным влиянием кочевнической среды в северных по отношению к средней Сырдарье городах полуоседлый-полукочевнический компонент в планировке поселений и жилищ, в строительной технике, наконец, в материальной культуре преобладает над оседло-земледельческим. Как правило, поселения и города здесь небольших размеров; при постройке жилых, хозяйственных зданий и крепостных стен широко применяется камень-плитняк; нередки строения круглой планировки типа «шошала»; в жилищах часты тандыры, но встречаются и примитивные отопительные печи, сложенные из камня; некоторые особенности имеют и интерьеры жилищ. Одна из

⁸ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.

⁹ Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области. — Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, № 1, с. 79—81.

¹⁰ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

¹¹ Жолдисбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV—XIX вв.). — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976; *Он же*. Раскопки городища Культобе. — В кн.: Археологические открытия. 1973 г. М., 1974, с. 468.

особенностей культуры северокаратауских и бетпак-далинских городов — малый процент находок поливной посуды и повторения форм деревянной посуды кочевников в керамических сосудах городских гончаров.

По имеющимся данным, экономика этих городов основывалась преимущественно на полуоседлом скотоводстве, поливное земледелие было развито слабо из-за недостатка воды и отсутствия опыта земледелия. Судя по обилию костных остатков в отдельных домостроениях, в городах, вероятно, немалое количество домовладений принадлежало кочевым скотоводам¹².

Давление кочевнической среды определило формирование исторической топографии и архитектоники памятников оседлого и полуоседлого населения, возникновение сельских и городских центров особого типа — как поселений-зимовок, городов-убежищ. Как уже отмечалось, в большинстве они были небольших параметров, но встречались в этом районе и крупные городские поселения. На развалинах одного из них — городища Белен-ана, что находится в низовьях Сарысу (Южная Бетпак-Дала), в 1752 г. побывал П. И. Рычков. Он описывает, что развалины Белен-ана имеют длину 6 верст, ширину 1 версту, а на территории его и «поныне сохранились пять мечетей»¹³.

К сожалению, до настоящего времени никто из археологов не обследовал руины Белен-ана, но по данным П. И. Рычкова можно предполагать, что это типичное городище с длинными стенами, причем наиболее крупное среди известных, его размеры 6,4×1 км. Города-убежища с длинными стенами возникали в странах, где население вело в основном полуоседлый и кочевой образ жизни, и служили для укрытия скотоводов во время неприятельского нападения.

Резюмируя итоги проведенных нами поисков, можно отметить, что археологические работы по выявлению и изучению памятников материальной культуры позднего средневековья вносят новые понятия в традиционное представление о культуре Казахстана в XV—XVIII вв. Открытие остатков большой группы зимовок, кыстаков (кишлаков), поселений-кептов и городов свидетельствует о распространении среди позднесредневекового населения Казахстана, ведущего оседлый и полуоседлый образ жизни, земледельческого труда, различных ремесел и традиций градостроительства. В оседлых центрах развивались соответствующие формы материальной и духовной культуры.

В Южном и Центральном Казахстане сельские поселения в XV—XVIII вв. возникли и развивались на базе кочевнических ставок и зимовок. Поселения располагались в удобных для оседлого и полуоседлого образа жизни районах, на важных торговых путях. Материалы археологических раскопок позволяют заключить, что население Южного и Центрального Казахстана находилось в тесных этнокультурных, экономических и социально-политических связях. Поэтому материальная культура казахов XV—XVIII вв. в своих основных чертах отразила

¹² Акшешев К. А. Археология Казахстана: Основные направления и итоги. — Советская археология, 1978, № 1, с. 12.

¹³ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1862, с. 514.

своеобразное соотношение оседло-земледельческих и кочевнических традиций, которые были присущи Казахстану с глубокой древности.

Позднесредневековая археология по хронологическим рамкам исследований стыкуется с разделом этнографической науки, изучающим традиционную культуру народов. Важность археологического изучения памятников традиционной культуры народов, особенно младописьменных, таких, как казахи, киргизы, туркмены, несомненна.

Современная этнография располагает немногочисленными коллекциями народной одежды, орудий труда, украшений и домашней утвари, отложившихся в фондах Государственных музеев. Причем большинство из них, как считают специалисты-этнографы, относится к XIX в., даже к его второй половине. Чрезвычайно мало предметов материальной культуры более ранних эпох. Очевидно, что имеющихся материалов недостаточно для полной и объективной характеристики народной культуры, особенно ранних этапов ее развития, времени сложения народа в XV—XVI вв. Поэтому неизбежно искаженное представление о национальной культуре.

Существенный пробел в этнографических знаниях о материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана может быть восполнен только полевой археологией: изучением позднесредневековых памятников; раскопками остатков зимовок и летних стоянок, поселений, зимовок и крепостей, развалин городов и городов-убежищ, культовых зданий и родовых кладбищ XV—XVIII вв.

Представляется, что такое комплексное изучение даст возможность не только полнее проследить этапы развития традиционной культуры, но и путем сопоставления ее с уже имеющимся археологическим материалом более ранних, доказахских или докиргизских, эпох установить истоки происхождения материальной и духовной культуры народов. Генезис материальной и духовной культуры — одна из важнейших проблем этногенеза народов.

Г. М. АХМЕДОВ

О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Долголетними археологическими раскопками в средневековых городах Азербайджана и сообщениями письменных источников установлено, что в период раннего и развитого феодализма многие города Азербайджана пережили те же политические события, что и города Ближнего Востока, Средней Азии и Закавказья.

В ранний период города Азербайджана были в основном крепостями. В IX—X вв. большинство их превратилось в крупные ремесленно-торговые центры, а в XI—начале XIII в. происходит их бурное развитие. В качестве примера для Азербайджана можно назвать города Байлакан (Орен-кала), Ганджи, Шемахи, Шабран, Шамкур, а для Средней

Азии — Мерв, Термез, Ниса, Самарканд и другие. Под ударами войск Чингисхана пали друг за другом города Средней Азии, Ирана, Закавказья и ряда других районов, пало и большинство городов Азербайджана.

Судьба азербайджанских городов была связана с окружающим миром, в том числе со Средней Азией, и определялась не только военно-политическими событиями, но в гораздо большей мере их экономическим и культурным развитием. Военно-политические события оказали лишь незначительное влияние на давно сложившиеся контакты между народами, заселявшими Среднюю Азию и Закавказье. Историкам и археологам хорошо известна Великая шелковая дорога, одним из рукавов которой являлся водно-сухопутный тракт Окс (Амударья) — Каспийское море — река Кура — Черное море. Поэтому не случайно как в материальной, так и в духовной культуре этих городов обнаруживается много общего. Исследователи средневековой культуры, особенно фольклористы, литераторы, архитекторы, давно изучают культурное взаимовлияние народов Средней Азии и Закавказья. Напомним творчество Фирдоуси и Низами, Алишера Навои, эпос «Книга моего деда Коркута», или «Кер-оглы», «Гор-оглы», «Гургули», как называли его туркмены и таджики. Эти взаимоотношения отражены также в материальной культуре, особенно в археологических памятниках¹. Имеются даже одноименные города и области в Средней Азии и Азербайджане, сохранившиеся со средневековья (Шемаха-кала — Шемаха, Ширван-кала — Ширван, Баласагун — Баласакан и др.).

Связи Закавказья и Средней Азии хорошо прослеживаются в памятниках средневековья, особенно в выявленных при раскопках феодальных городах Азербайджана. В этом отношении Байлакан, степной город, привлекает особое внимание, на что указывал еще А. Л. Якобсон, касаясь вопроса строительной техники и художественной культуры².

Первое, что бросается в глаза, — это квадратный план городов и крепостей Кура-Араксинской низменности (Байлакан, Старая Ганджа, Шамкур (рис. 1), городище Чел-Агдам, Шахрияр, Тазакенд и др.). Как известно, квадратный план с ориентированными по сторонам света сторонами или углами характерен для многих городов и крепостей Средней Азии и Казахстана, начиная с античного периода. В средние века такой план долгое время сохранялся в цитаделях, шахристанах³ и замках-усадьбах (Мерв, Кырк-тепе, Чулбурдж, Куняюяз, Кургашинкалы, Ярбекр-калы, Большой Гульдурсун, Агашяк, Акбешим (Баласагун), Сарыг (Урду, Кулиян). По мнению Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля, строительство городов и крепостей с квадратным планом сближает их с планировкой эллинистических военных лагерей эпохи

¹ См.: *Белецкий А. М.* Средняя Азия и Кавказ в раннем средневековье. — В кн.: Материалы Всесоюзного научного совещания по итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1980 г. Тбилиси, 1981, с. 93—94.

² *Якобсон А. Л.* Археологические исследования на городище Оренкала в 1957 г. — МИА СССР, т. 133, с. 17.

³ *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958, т. V, с. 73—74.

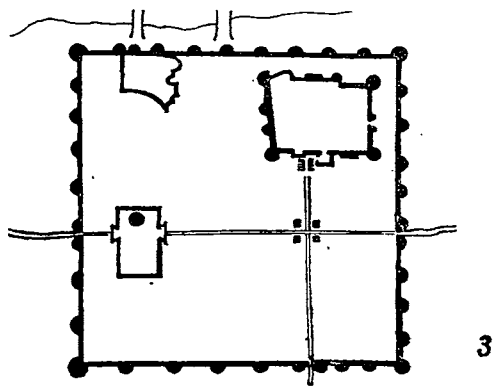
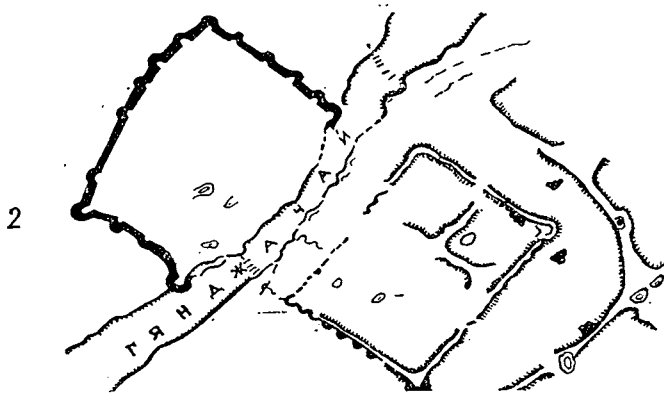
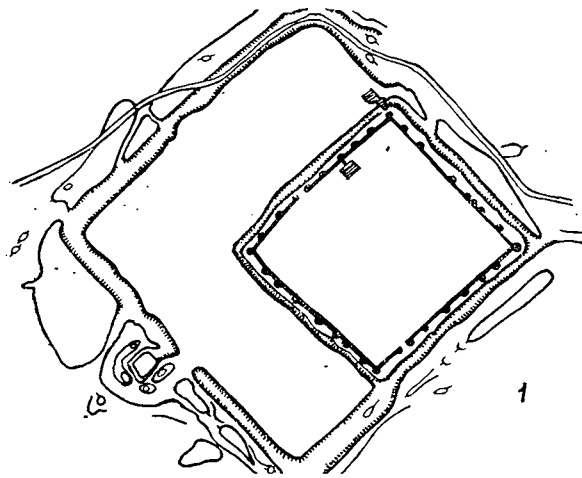

Рис. 1. Планы городищ: 1 — Оренкала Байлакан; 2 — Гянджи; 3 — Шамкур

Александра Македонского и его преемников⁴. Квадратная форма крепости, а также квадратная или полукруглая форма башен, расположенных вдоль прямых линий стен с определенными интервалами, была вполне совершенной, отвечающей уровню военной техники. Не случайно эта традиция на долгое время сохранилась и в Азербайджане⁵.

Близкая аналогия прослеживается также в строительных материалах, технике строительства городских сооружений. Так, самая ранняя стена азербайджанского города Байлакана построена из сырцовых кирпичей размером 47—49×47—49×17 см, что почти совпадает с размерами кирпичей хорезмийских городов античного периода. Совпадают и размеры сырцовых кирпичей, применявшихся в IX—X вв. при ремонте городских стен и строительстве жилья в Байлаконе (32×32×7 см) и для сооружений Хорезма афригидского периода. В этот период в городах Азербайджана и Средней Азии широко применялась и комбинированная кладка из сырца и глинобита (пахсы). Видимо, близки были и формы бойниц и машукулей городских стен и башен, хотя в Азербайджане они не сохранились. В этой связи интересен и найденный в Байлаконе оригинальный башнеобразный сосуд с двойными стенками и прорезным орнаментом в виде бойниц на наружной стенке и зубцами на верхнем крае сосуда (рис. 2). Он относится к IX в. Стреловидные бойницы этого сосуда очень характерны для среднеазиатских памятников античного и средневекового периода (Ниса, Топрахкала, Кангакала, Калалы-гыр, Джанбаскала и др.).

В Азербайджане, как и в большинстве средневековых городов Средней Азии, формирование ремесленного квартала относится к IX—X вв. Изучение квартала керамистов в Байлаконе позволяет провести параллель с кварталом керамистов старого Мерва⁶, а именно обнаруживает общность технологических процессов и художественной культуры. Эти материалы подтверждают мысль А. Л. Якобсона о том, что «художественная культура Азербайджана IX—X вв. имеет со Средней Азией не меньше — если не больше — точек соприкосновения, чем с культурой соседних стран Закавказья»⁷.

Еще большая историко-культурная близость обнаруживается при сопоставлении материальной культуры городов Азербайджана с городами Средней Азии периода господства Сельджукидов и последних хорезмшахов. В архитектурном декоре этого времени широко применялись узорчатая кладка и фигурный кирпич, в том числе изразцы разных форм и цветов. Ярким примером этого могут служить остатки северо-западных городских ворот Байлакана и большого комплекса зданий с узорчатой облицовкой стен. Кирпичная рубашка воротных башен была отделана так, что ряды краснообожженных кирпичей и линия розовато-белого

⁴ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX века. М., 1965, с. 38—39.

⁵ См.: История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с. 121—127, 229—236, 320—322.

⁶ Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяуркала Старого Мерва. — Труды ИИАКЭ, XI, с. 214.

⁷ Якобсон А. Л. Археологические исследования..., с. 17.

известкового раствора создавали игру светотени и таким образом придавали городским воротам и башням богатый и красивый вид⁸. Здания, раскрытые в центральной части Байлакана, с кирпичными вымостками и стенами с кирпичной узорчатой кладкой, выделяются богатством декоративного оформления. Геометрический рисунок этих стен очень раз-

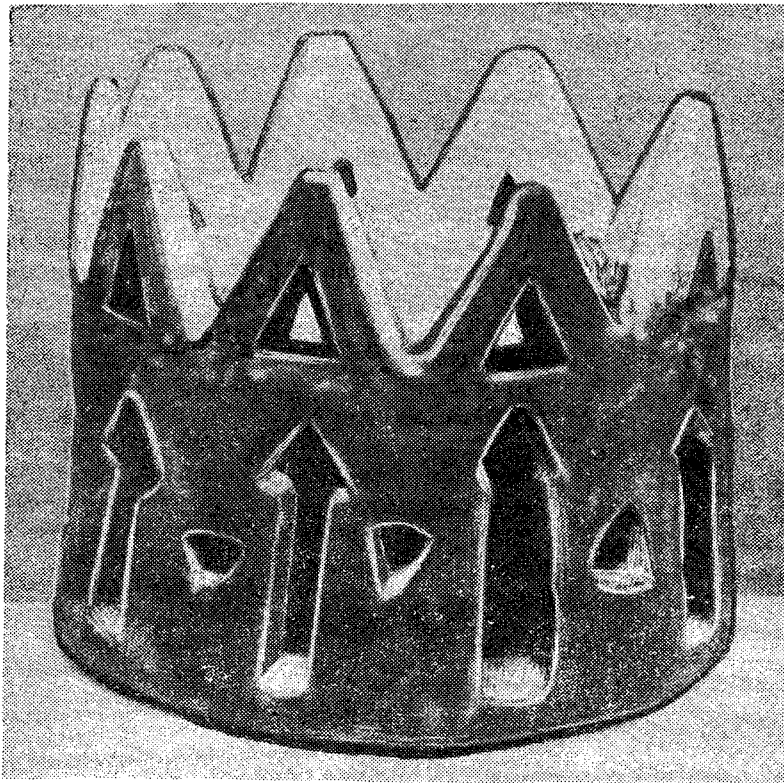

Рис. 2. Башнеобразный светильник

нообразен и не повторяется. Декоративное оформление имеют и ниши, устроенные в стенах⁹. Узорчатые кирпичные кладки описываемых памятников сближают их не только с архитектурными памятниками Азербайджана так называемой «нахичеванской школы», но и с зодчеством Ирана и Средней Азии XI—XIII вв.¹⁰ Достаточно напомнить каравансарай и мавзолей Дая-хатун, мечеть Талхантан-баба, мечети в Абиверде,

⁸ Ахмедов Г. М., Ибрагимов Ф. А. Раскопки на городских воротах Байлакана. — АО 1969 года. М., 1970, с. 380—381. Ср.: Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. Баку, 1979, с. 146 (на азерб. языке).

⁹ Якобсон А. Л. Раскопки на городище Орен-кала в 1953—1954 гг. — МИА СССР, М.; Л., 1959, № 67, с. 69—98; Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан, с. 184—185.

¹⁰ Якобсон А. Л. Археологические исследования..., с. 17.

в Дихистане, мавзолее султана Санджара в Мерве. По размерам обожженные кирпичи этого периода сходны со среднеазиатскими. Строительный прием облицовки сырцово-глинобитной оборонительной стены Байлакана созвучен с приемом строительства городских стен старого Серахса, датируемых XI—XII вв.

Большое сходство обнаруживается и в строительстве жилых, бытовых и хозяйственных сооружений, в вымостке полов, устройстве ташнау (едена, обрiza), прокладке водопровода, канализации. Сходны, например, жилища Байлакана и Шехр-Ислама в Туркмении, Варахшы в Узбекистане, Хульбука в Таджикистане¹¹.

В рабаде Байлакана раскопана сравнительно большая постройка с чанами разной величины, соединенными между собой водопроводными керамическими трубами, заключенными в кладку стен или проведенными под полами. Здание это симметрично по плану и очень тщательно построено из обожженного кирпича на известковом растворе. Полы и стены бассейнов и чанов тщательно оштукатурены толстым слоем алебаstra розоватого цвета. Памятник относится к XII— началу XIII в. и представляет большой интерес потому, что не находит себе прямых аналогий, но некоторые черты сближают его с виноградодавильнями Сарыга и Сукулука в Киргизии¹². Это дало основание предполагать, что здание было построено для приготовления вина или напитков из фруктовых соков (дошаб и др.)¹³.

Поразительно много общего имеется в конструкции печей и в керамическом комплексе (как в глазурованном, так и в неполивном) городов Азербайджана и Средней Азии XI— начала XIII в.

Круглые и квадратные двухъярусные печи, предметы печного припаса — стержни-штыри, треножники-сипая — встречаются в средневековых городах Азербайджана и Средней Азии. Керамика Байлакана исключительно близка керамике города Мерва, хорошо знакомой нам по исследованиям С. Б. Луниной¹⁴. Те же формы и виды сосудов, приемы декора, сюжеты орнамента, содержание керамической эпиграфики и манера подписей. Исключительно широкое распространение получила штампованная керамика, особенно в XI—XII вв. Подобная керамика обнаруживается и в других пунктах Азербайджана, Средней Азии, Казахстана и Закавказья. Особый интерес представляет тот факт, что на одном из штампованных сосудов, найденных на городище Хауз-хан в Туркменской ССР, имеются изображения, сделанные по мотивам произведений Низами Гянджеви. На верхней части тулова сосуда изображена сцена из поэмы Низами «Хосров и Ширин»: влюбленный в будущую жену царя Хосрова Первиза искусный камнетес, силач и художник

¹¹ Атагарриев Е. Тайны Шехр-Ислама, Ашхабад, 1968, с. 20—23; Шишкин В. А. Варахша. М., 1963, с. 96—107; Гулямова Э. Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г. — АРТ, вып. VI, Сталинабад, 1961, с. 147—150.

¹² Бернштам А. Н. Чуйская долина. — МИА СССР, с. 43—49, 97.

¹³ Минкевич-Мустафаева Н. В. Некоторые итоги изучения ремесленного квартала Байлакана. — В кн.: Археологические исследования Азербайджана. Баку, 1965, с. 158.

¹⁴ Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X— начала XIII в. — Труды ЮТАКЭ, т. XI, с. 303—418.

Фархад несет Ширин с ее конем, чтобы она могла видеть высеченные Фархадом в горах Биситун рельефы с изображениями царя Хосрова и Ширин¹⁵. Сосуд датирован XII — началом XIII в. Сосуды с изображениями на мотивы поэм Низами найдены и на родине поэта — в Старой Гяндже и на раскопках Орен-кала¹⁶.

Эпиграфика керамических изделий из Байлакана показывает, что в одном случае на сосудах обозначено только имя гончара, в другом перед именем стоит слово «эмале» (сделал), а в третьем — слово мастер. Надписи на керамике наносили кистью, камышовым калемом или процерчивали острым инструментом по высохшему ангобу. Немало надписей, нанесенных на сосуд штампом, подобно мервским. Встречаются и рельефные надписи, выполненные глиняными наклепными валиками.

Содержание надписей на керамике разнообразно. Кроме имени мастера на сосудах можно прочесть различные пожелания будущим владельцам сосудов. Любопытно, что по содержанию надписи на керамике Байлакана и Средней Азии близки. Так, на одной из глазурованных чаш мастера Бадала на арабском языке начертано: «Покой и благополучие, и слава, и преуспевание... и счастье ему от бога».

Несомненно, что наряду с общими чертами в материальной культуре городов Азербайджана и Средней Азии хорошо прослеживаются и отличительные черты.

Проведенные параллели ясно демонстрируют научное значение и перспективность изучения материалов археологических раскопок, тесных связей, существовавших между Азербайджаном и Средней Азией в различные периоды средневековой истории.

К. М. БАЙПАКОВ

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ОТРАРЕ

Основным показателем развития средневекового города, его экономического потенциала, товарно-денежных отношений служит уровень развития ремесла, которое является одной из первостепенных функций города.

Важные сведения о развитии керамического ремесла дает изучение гончарных печей, технологических особенностей керамики. Исследование печей в комплексе с производством, определение их локализации в городе позволит подойти к проблеме внутренней организации ремесленного производства. В этом отношении оправдано использование методического приема, который предусматривает определение территориального расположения центров производства как отражения форм

¹⁵ *Адиков К.* Оригинальный кувшин. — Известия АН ТССР, серия ОН, 1962, № 1, с. 90—92.

¹⁶ *Ахмедов Г.* На мотивы Низами. — Литературный Азербайджан, 1964, № 5, с. 125—126.

организации соответствующих видов промыслов и ремесел¹. Однако он требует полного, а не выборочного вскрытия керамикопроизводящих участков поселений и городищ. Такие работы все еще не получили достаточного развития. Вскрытие только гончарных печей, конечно, облегчает получение материала, зачастую эффектного, но оставляет нерешенными некоторые важные вопросы. Поэтому особенный интерес представляет полное исследование квартала гончаров в западном пригороде Мерва² и на Афрасиабе³ в домонгольский период. Керамическое производство позднего средневековья, за исключением отдельных печей и одной мастерской в Мерве, датируемой XIII—XVI вв., изучено недостаточно⁴.

Лакуну в изучении гончарства поры позднего средневековья в какой-то мере восполняют материалы раскопок южноказахстанских городов, в первую очередь Отрара, а также Туркестана, Куль-тобе и Рана⁵.

Масштабные раскопки позднесредневековых слоев Отрара позволили выявить наибольшую концентрацию ремесла в восточной части пригорода (рис. 1). Участок с мастерскими занимал площадь около 2 га и располагался в 350 м от юго-восточного угла центральных развалин городища. С южной и западной сторон он ограничен ложбинами улиц, с восточной — берегом водохранилища и с севера — руслом канала XIII—XVIII вв.

Выявлено два строительных горизонта, из которых нижний (второй) датируется второй половиной XIII — первой половиной XIV в. Комплекс монет, связанных с постройками этого горизонта, представлен главным образом джагатаидскими дирхемами второй половины XIII — первой половины XIV в.⁶ Первый (верхний) строительный горизонт датируется монетами Тимура и тимуридов. Во втором строительном горизонте раскопано шесть мастерских. Наблюдается их объединение парами в комплексы из двух мастерских (рис. 2, 3). Видимо, группы мастерских образовывали кварталы, границы и характер которых пока остаются невыясненными.

Лучше других сохранилась *мастерская I* общей площадью 157 кв. м, из которых 89 кв. м занимает производственная часть, а остальную — жилье. Производственная состоит из двух помещений. Первое, видимо, было перекрыто легким навесом, опиравшимся на деревянный столб,

¹ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 58—59.

² Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. — Труды ЮТАКЭ, Ашхабад, 1962, т. XI, с. 207—418.

³ Брусенко Л. Г. Раскопки квартала гончаров X—XI вв. на городище Афрасиаб. — ИМКУ, 1969, 8, с. 118—120.

⁴ Лунина С. Б. Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии. — СА, 1981, № 3, с. 131; Буряков Ю., Тихонин М. Раскопки керамической мастерской конца XV—XVI в. в Шахрухни. — ИМКУ, 1981, 16, с. 58—63.

⁵ Некоторые сведения о керамическом ремесле Отрара содержатся в кн.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981, с. 157—162; Жолдасбаев С. Городище Ран. — АО, 1975. М., 1976, с. 520.

⁶ Определение всего нумизматического материала сделано В. Н. Настичем. Автор выражает ему свою признательность.

Рис. 1. Размещение кварталов и отдельных мастерских гончаров в позднесредневековом Отаре: 1 — квартал гончаров XIII—XV вв.; 2 — отдельные мастерские XIII—XV вв.; 3 — квартал гончаров XVI—XVIII вв.; 4 — отдельные мастерские XVI—XVIII вв.

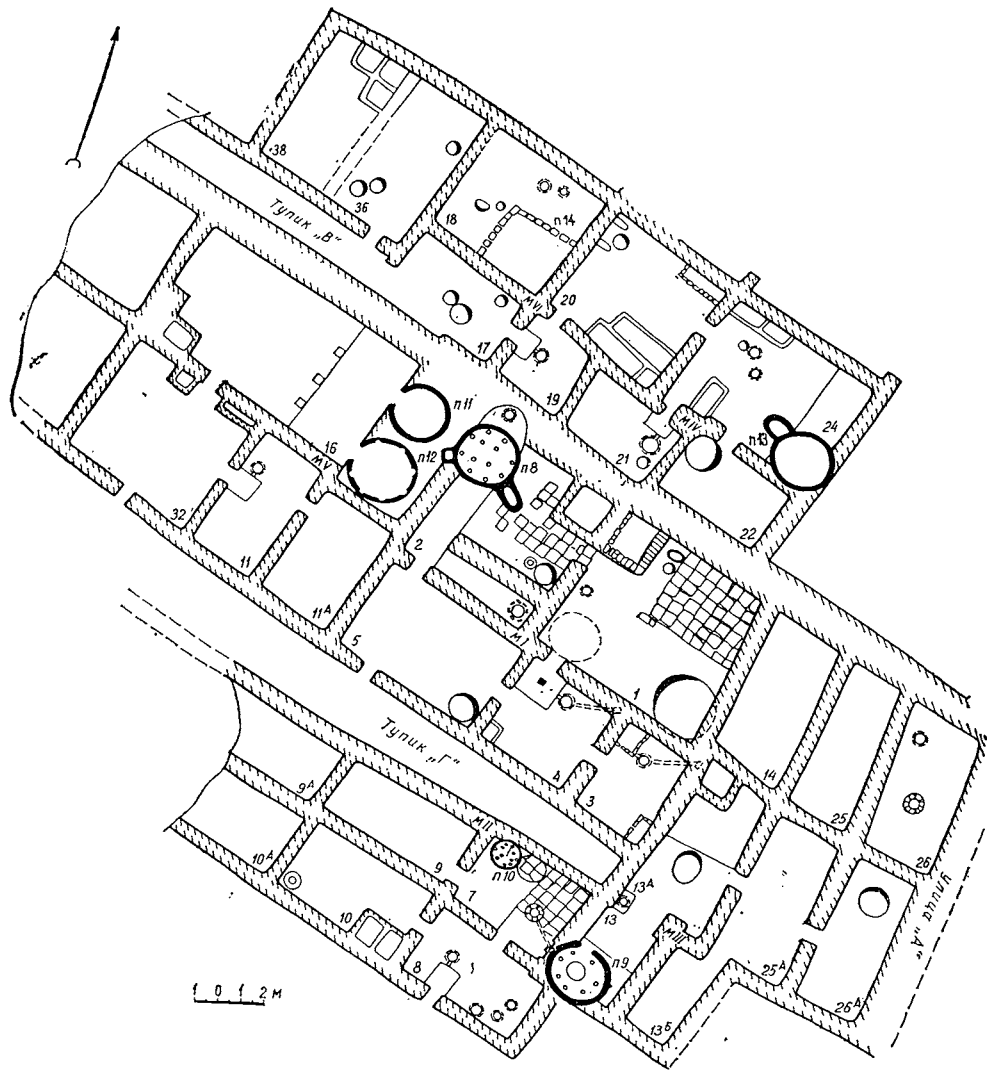

Рис. 2. План раскопа квартала гончаров второй половины XIII — первой половины XV в.

каменная база которого расчищена в центре помещения. Здесь находилась сложенный из жженого кирпича заком для глины, колодец и рядом керамическое корытце для воды. Стенки колодца выложены жженым кирпичом, а внизу в водоносный слой был впущен хум без дна. Глубина колодца 6 м. Сверху он закрывался глиняной крышкой. Весь восточный гол вымощен жженым кирпичом. Размеры площадки 3,2×1,5 м, формат кирпича 24×24×5 см. Она служила, скорее всего, для приготовления формовочной массы и болванок.

Рис. 3. Вид на мастерские I, II, III

В полу помещения были выкопаны две ямы, куда складывали брак битую посуду. По мере заполнения ямы замазывались под уровень ла. Керамика из ям, за исключением нескольких фрагментов, неполивная. 92% ее составляли водоносные кувшины и кумганы. Кроме них гречены обломки поливной тагоры, поливных чаш.

Второе помещение мастерской имело площадь около 40 кв. м. Егоzero-восточная половина, где в северном углу находилась печь, былакрытой. Пол помещения под навесом вымощен жженым кирпичом. восточном углу находился сложенный из жженого кирпича ящик для рья, в западном углу, видимо, в яме, стоял гончарный станок, а рядом, справа от сидящего за кругом мастера, был вкопан в пол широко-

горлый сосуд, где смачивали руки во время формовки изделий (рис. 4). Перед гончаром стояла тумба шириной 1, длиной 2 м и высотой 0,3 м, куда ставили сформованные изделия. В этом же помещении у западной стены расчищен отсек для различных компонентов гончарного производства. Здесь же обнаружены остатки очага, видимо, использовавшегося для сушки изделий перед обжигом.

Рис. 4. Место гончара и яма для установки гончарного круга

Печь для обжига керамики двухъярусная. Топка имела сферическую форму. Она выкопана в земле и облицована сырцовым кирпичом размером $30 \times 20 \times 6$ см. Диаметр топки 1,6 м, глубина 1,6 м. Свод топки служил основанием пода обжиговой камеры. Толщина пода 15—20 см. Пазухи между сводом топки и плоскостью пода заполнены глиняной массой. В поду имелось 12 продухов, расположенных двумя concentрическими кругами, во внешнем было 8, а во внутреннем 4 продуха. Стенки обжиговой камеры сохранились на высоту 20—30 см. Лаз в топочную камеру имел в разрезе арочную форму диаметром 45 см. Снаружи он был огорожен двумя расходящимися под углом стенками. Дымоход длиной 1 м был выведен колодцем в стену двора и, видимо, для

усиления тяги имел кирпичную трубу, от которой сохранилось выложенное из прямоугольных кирпичей основание.

Жилой комплекс мастерской — это двухкомнатный дом с двором. Из жилых помещений и двора имелись самостоятельные входы в мастерскую. В комнатах $\frac{3}{4}$ их площади занимали суфы. В них вмазаны тандыры с выведенными в угол дымоходами. Перед тандырами находились площадки ташнау. В помещениях имелись отсеки для хранения продуктов, погреба. Поверхность двора плотная, утрамбованная. В западном углу расчищена яма, заполненная золой, битой керамикой и костями домашних животных. Керамика отсюда использовалась в быту. Здесь имелись обломки сосудов самого разнообразного назначения.

Выход из мастерской через двор вел в тупик «Г» шириной 1,5—2 м, который отделял мастерскую I от соседней, расположенной западнее, и на магистральную улицу.

Мастерская II занимала площадь 67 кв. м и также состояла из производственной части и жилья. Бесспорно производственными из них были помещения 7 и 9.

Помещение 9 длинное, узкое, размером 3,2×5 м. Наличие неглубоких ям в полу позволяет предположить, что в одной из них размещался станок. На этом же участке был найден инструментарий мастера — набор грибовидных наковаленок, костяное лоцило, каменные песты. Помещение соединялось проходом с помещением 7 площадью около 15 кв. м. Это, скорее, айван, как и в мастерской I. Он был перекрыт навесом лишь в южной части, тогда как северная, занимавшая треть двора, была открытой. Здесь в северо-восточном углу находилась двухъярусная печь 10 с диаметром топки 1 м, глубиной 0,7 м. В обжиговой камере диаметром 1,1 м пробито 15 продухов. Печь заглублена в пол, так что лаз в топку находился на глубине 0,6 м. Перед ним врезана яма с вымощенным жженым кирпичом дном. Свод обжиговой камеры, видимо, был купольным и возвышался над уровнем мастерской почти на 1 м. Дым из топки выводился через колодец, проложенный в стенке.

Южная часть двора была вымощена жженым кирпичом. Площадь вымостки чуть больше 2 кв. м. Западнее площадки устроены два тандыра. Первый, диаметр которого 0,7 м и глубина 0,5 м, сохранил плоский венчик. Топился тандыр сверху, дым выводился по каналу длиной 1,2 м, соединенному с вертикальным колодцем в стене. Второй тандыр находился на 0,5 м южнее, у самой стенки. Оба они служили для сушки изделий перед обжигом. На площадке вверх дном стояли 7 широкогорлых еще не обожженных двуручных горшков, лежала штампованная фляга (рис. 5), а в нише стены — 6 покрытых красным ангобом чирагов.

Дворик соединялся с жилым помещением 8. Из четырех расчищенных тандыров три имели общую площадку ташнау и, видимо, использовались в производственных целях. Четвертый находился в юго-западном углу. Помещение соединялось с помещением 10 площадью 17,2 кв. м, где также находился тандыр, рядом с ним — закром, а в углу — хум.

Находки керамики из этой мастерской свидетельствуют о тенденции мастера к производству мелких форм — горшков и чирагов. Кроме

ладьевидных чирагов, найденных на площадке перед печью, в мастерской подняты два светильника. Один из них изготовлен в виде чашечки на полой конической ножке. Второй светильник высотой 30 см имеет кашнеобразную форму, верхняя часть его не сохранилась. Тулово покрыто красным ангобом, прорезным и прочерченным орнаментом. Элементы его — ромбы, кресты, точечные вдавления и овальные фигуры, волнистые линии, а также насечки на наlepных манжетах. Мастер изготавливал также покрытые глазурью фигурки баранов. Одна из них длиной 10 см имеет характерную горбоносую морду, рога, ноги у фигурки отбиты. Полива коричневая с белой подглазурной росписью, видимо, имитирующей завитки шерсти.

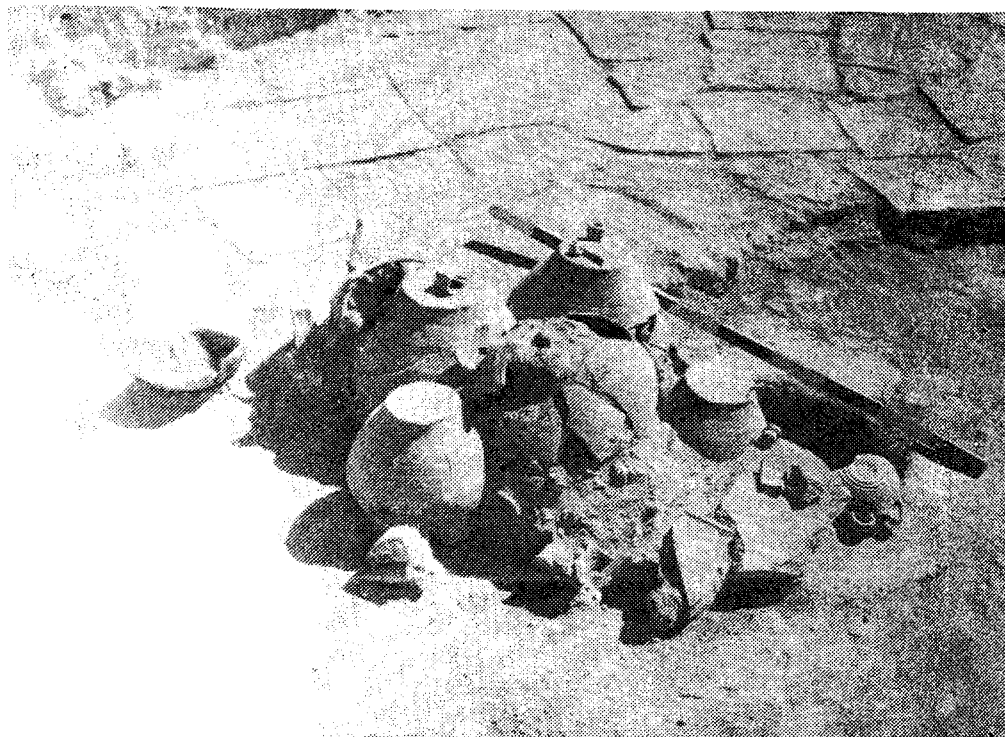

Рис. 5. Керамика на площадке для сушки в мастерской II

Мастерская III примыкает своей южной стороной к магистральной улице рабада. Общая площадь ее 75 кв. м. В мастерской можно выделить производственную часть, где имелось два помещения, и жилую, состоящую из трех помещений.

Помещение 13а площадью 18,6 кв. м предназначалось, по аналогии с вышеописанными мастерскими, для приготовления глиняной массы. К сожалению, интерьер помещения разрушен.